

От ядерного сдерживания к ядерной стабильности

С. Т. БРЕЗКУН

В этой статье мы порассуждаем о некоторых сторонах проблемы ядерной стабильности. Начиная с 1949 г., сдерживающие качества ЯО СССР постоянно возрастали. И в процессе усиления стабилизирующих свойств ЯО можно выделить несколько сменяющихся фаз ядерной военно-политической ситуации.

Первая фаза (1945–1949 гг.) – период атомной монополии США и реальная угроза атомного удара США по территории СССР.

В этот период США придавали своему ЯО исключительно агрессивную, дестабилизирующую направленность. Однако ядерный удар по России тогда так и не был нанесен. Ведь даже при массированном применении Соединенными Штатами Америки единственно существовавших тогда носителей ЯО – стратегических бомбардировщиков – нельзя было гарантировать надежное выполнение ими боевой задачи. Свою роль могли сыграть и вероятные технические сбои при массированном налете, и противодействие советских ВВС. Корейская война, где даже ограниченный контингент советских летчиков создал американской авиации много проблем, практически доказала, что большинство атомных бомбардировщиков США могут до целей в СССР и не долететь. То есть даже в период американской атомной монополии Соединенные Штаты удавалось сдерживать за счет мощного «обычного» потенциала Советской армии и ВМФ в сочетании с фактором неопределенности исхода конфликта при относительно небольшом американском потенциале ЯО.

Вторая фаза (1949 г. – середина 1950-х гг. – осень 1962 г.) – период ликвидации атомной монополии США и наращивания ядерного потенциала СССР.

Успех РДС-1 положил начало ликвидации атомной монополии США, а затем для советских оружейников начинается период «бури и натиска». Ядерный арсенал СССР растет, совер-

шенствуется и расширяется по номенклатуре зарядов, боевых частей и носителей. Ядерное оружие еще рассматривается обеими сторонами как средство ведения реального военного конфликта, однако начинают выявляться и уникальные сдерживающие качества ЯО. Уровень угрозы ядерного и вообще крупномасштабного прямого военного конфликта между СССР и США стабилизируется. Такая угроза не возрастает, но остается достаточно реальной.

В Карибском ракетном кризисе 1962 г., когда советские баллистические ракеты Р-12 и Р-14 с ядерными боевыми частями были доставлены на Кубу и развернуты там, впервые проявился эффект взаимного ядерного сдерживания. Угроза ядерного конфликта, достигнув в разгар Кризиса высшей точки, нейтрализовалась мирным путем. Ко времени Карибского кризиса ядерный потенциал СССР резко уступал ядерному потенциалу США, в том числе по суммарному мегатоннажу. Но как свидетельствует, например, Макджордж Банди, бывший помощник президента Кеннеди, в США считали, что если у Советского Союза останется всего лишь несколько боезарядов, которые в ответном ударе способны поразить жизненно важные центры США, то от ядерной войны следует отказаться.

А вот свидетельство экс-министра обороны США Роберта Макнамары: «В то время наши стратегические ядерные силы насчитывали приблизительно 5 тыс. боеголовок по сравнению с 300, которые имелись у Советского Союза. Но несмотря на численное преимущество 17:1, мы не считали, что располагаем способностью нанести успешный "первый удар" по СССР».

Заметим, что Макнамара, фактически, проговорился, потому что после такого его заявления был бы правомерен вопрос: «А если бы США считали, что располагают способностью нанести успешный "первый удар" по СССР, они что, нанесли бы его?». Но особенно важным в подобных заявлениях было признание стабилизирующей роли советского ядерного оружия. Из заявления

Макнамары, в частности, следовало, что для эффективного ядерного сдерживания США важны, прежде всего, не теоретические показатели возможного ущерба их военно-экономическому потенциалу, а убежденность США в том, что при любых, даже наиболее благоприятных для США сценариях гипотетического ядерного конфликта Советский Союз будет способен нанести ответный ядерный удар по территории США.

Главным уроком Карибского кризиса стало осознание – пока еще неполное и нуждающееся в дальнейшем осмыслении – того факта, что ядерным оружием воевать нельзя, а значит с Россией и вообще нельзя воевать. До тех пор, пока у России будет ядерное оружие.

Третья фаза (1962 г. – середина 1970-х гг.) – период масштабной гонки ядерных вооружений.

Беспрецедентные усилия Советского Союза обеспечили к концу 1960-х гг. продвижение к ситуации уже устойчивого равновесия, но не количественно-качественного паритета. СССР нарастающим образом ликвидировал огромный количественный разрыв по ракетно-ядерным вооружениям с США, а Америка, все более наращивая количество своих вооружений, предпринимала попытки обеспечить качественное превосходство за счет разработки новых типов носителей и их ядерного боевого оснащения.

В 1962 г. Воениздат выпустил в свет знаменитый коллективный труд «Военная стратегия» под редакцией Маршала Советского Союза Василия Даниловича Соколовского. Там было сказано: «Примерно до конца 1960 г. руководство США придерживалось стратегии так называемого "массированного ответного удара", вытекающей из политики "устрашения", и признавало возможность ведения против Советского Союза только всеобщей ядерной войны. Стратегия "массированного ответного удара", или, как ее называют еще, "массированного возмездия", была принята правительством и военным командованием США в 1953 г. с приходом к власти правительства Эйзенхауэра. О принятии ее официально было объявлено 12 января 1954 г. государственным секретарем США, который, выступая в Совете по вопросам внешних отношений в Нью-Йорке, заявил: "Основное решение должно базироваться в первую очередь на нашей высокой способности к немедленному нанесению ответного удара такими средствами и в таких пунктах, которые изберем мы сами" ...».

Фактически, это была концепция не ответного, а первого удара, что в книге под редакцией

В. Д. Соколовского и подчеркивалось со ссылкой на заявление в 1960 г. начальника штаба армии США генерала Тейлора о том, что «в стратегической воздушной войне мощное наступление является лучшим видом обороны», и командующего стратегической авиацией США генерала Пауэра в мае 1959 г., что США никогда не должны оказаться в таком положении, «когда не сможем начать сами войну»... Пауэр прямо говорил: «Мы должны обладать способностью для нанесения первого удара».

Позднее генерал Тейлор в книге «Ненадежная стратегия» сформулировал новую стратегию «гибкого реагирования» взамен стратегии «массированного ответного удара». Фактически, она еще более укрепила концепцию первого удара. Сотрудник корпорации «Рэнд» Бернард Броди (Броуди) в книге «Стратегия в век ракетного оружия», говоря о «превентивной войне», писал: «Я употребляю этот термин для характеристики предумышленного и неспровоцированного нападения одной страны на другую, то есть нападения, которое не является следствием конкретной агрессии или других открытых действий со стороны враждебного государства, причем главной и самой ближайшей целью такого нападения является уничтожение общей военной мощи, и особенно стратегических вооруженных сил, этого государства».

Сказано было прямо и откровенно. А далее Броди еще более прояснял идею: «Естественно, что если эта задача будет успешно решена, первое государство может нанести своему противнику такой ущерб или навязать ему такие условия мира, какие только пожелает» и делал вывод из сказанного: «...Наш план стратегического наступления, каков бы он ни был, будет иметь наилучшие шансы на успех, если мы нанесем удар первыми, и эти шансы будут сведены к весьма низкому минимуму, если первый удар нанесет противник. Если думать только о предельном увеличении наших шансов на то, чтобы выжить, то вышеупомянутые обстоятельства можно считать достаточным основанием для превентивной войны».

Поэтому авторы советской «Военной стратегии» писали: «...Главной проблемой в советской стратегии считается отработка способов надежного отражения внезапного ядерного нападения агрессора... О внезапном ядерном нападении открыто пишут многие авторы капиталистического Запада. При этом не скрывается, что удары должны быть нанесены по центрам сосредоточения людских и материальных ресур-

сов». И далее: «Ракетно-ядерные удары стратегическими средствами будут иметь решающее, первостепенное значение для исхода современной войны... Этот вид стратегических действий явится вынужденным для наших Вооруженных Сил в случае войны... Советские Вооруженные Силы... вынуждены готовиться к нанесению ответных массированных ядерных ударов стратегическими средствами по военно-экономической базе, по системе государственного и военного управления, по стратегическим ядерным средствам и группировкам вооруженных сил империалистического блока. В нашей стратегии этот вид стратегических действий рассматривается в качестве главного, ему отводится решающая роль в достижении целей будущей войны, которую могут развязать империалистические агрессоры».

В части реальной возможности ведения ядерной войны это были мысли еще «докарибского» образца, но даже их нельзя было определять как агрессивные, в отличие от изысков «теоретической» «мысли» Запада.

В 1980 г. Гуверовский институт при Стэнфордском университете издал коллективный сборник «The United States in the 1980s» («США в 1980-е») под редакцией Питера Дуингена и Элвина Рабушки. И в этом сборнике Фред Чарльз Иккле – на протяжении четырех лет директор американского Агентства по разоружению и контролю над вооружениями, доктор философии и профессор политических наук Массачусетского технологического института – утверждал следующее: «Хотя Советский Союз достиг паритета в стратегических вооружениях *в начале 70-х гг.* (жирный курсив мой, – С.Б.), их энергичное наращивание продолжается».

Мысль была высказана однозначно, однако цифрами не подкреплялась.

А вот цифры...

Год	США	СССР
1970	26 600	12 700
1971	26 500	14 500
1972	27 000	16 600
1973	28 400	18 800
1974	29 100	21 100
1975	28 100	23 500
1976	26 700	25 800
1977	25 800	28 400

В этой таблице первый столбец, как указано, годы. Второй и третий столбцы – количествен-

ный состав ядерных арсеналов США и СССР по годам. По сей день подобные сводные данные носят для обеих сторон, скорее, оценочный, чем абсолютно точный – до единиц оружия, характер. Тем не менее, порядок явления приведенные выше цифры дают достаточно верно. И из таблицы следует, что в начале 1970-х гг. количественного паритета, а тем более – количественного превосходства у Советского Союза над США не было. Фред Ч. Иккле не знает этого не мог.

Но к 1977 г. политика Соединенных Штатов потерпела крах даже в количественном отношении. По общему количеству ядерных зарядов СССР превзошел США. При этом не стоит забывать, что в ядерном арсенале СССР к тому времени имелось намного больше, чем в ядерном арсенале США, ядерных зарядов «тактического» класса. Зато США лидировали там, где баланс был особенно важен для обеспечения стабильности, то есть в части глобального стратегического потенциала. Так, по литературным данным, в 1975 г. соотношение наземных компонентов стратегических сил сторон было следующим.

Страна	Количество МБР	Количество ЯЗ на МБР
СССР	1599	1599
США	1054	2154

По данным этой таблицы перевес в пользу США в ядерном боевом оснащении наземных МБР налицо – за счет постановки на вооружение американских МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН).

Но процесс шел, и наступила новая – высшая фаза ситуации.

Четвертая фаза (середина 1970-х гг. – конец 1980-х гг.) – период ядерного паритета и перехода к процессу ограничения и сокращения ЯО.

26 мая 1972 г. Советский Союз и США подписали Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), вступившее в силу 3 октября 1972 г. Это соглашение не ликвидировало ядерную гонку, но зафиксировало достигнутый уровень. В «пакет» ОСВ-1 входил и Договор по ПРО.

18 июня 1979 г. в Вене был подписан уже Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) – не ратифицированный США (а вследствие этого – и СССР),

но некоторое время сторонами соблюдавшийся. В ОСВ-2 на стратегические ядерные вооружения сторон (точнее – на носители ЯО) были впервые наложены конкретные количественные ограничения, не затрагивающие структуры Стратегических ядерных сил.

В целом отношения и договорные обязательства сторон теперь можно было характеризовать как равноправные. Однако к такой ситуации стороны пришли далеко не автоматически. Нарастание ядерных вооружений до таких огромных размеров, которые в случае использования превращали обе страны в атомные пустыни и исключали чью-либо победу, вроде бы увеличивало угрозу возникновения ядерной войны. На деле же угроза войны резко уменьшалась – усиление ядерного фактора обеспечило все возрастающую стабильность. Но если бы не авантюрная «ядерная» политика США и не стремление Соединенных Штатов к доминированию в сфере ядерных вооружений, взаимное сдерживание и стабильность могли быть обеспечены на намного более низком качественно-количественном уровне, чем это было в реальности 1980-х гг.

Уже хорошо известный читателю Станислав Николаевич Воронин, один из руководителей разработки отечественных ядерных зарядов, главный конструктор РФЯЦ-ВНИИЭФ с 1992 по 2001 г., приводил следующую наглядную иллюстрацию продвижения к советско-американскому паритету...

В 1960 г. США имели на 3-х ПЛАРБ 48 ядерных зарядов, в то время как в СССР в боевом строю не было ни одной ПЛАРБ.

Через семь лет США на 41 ПЛАРБ имели 1552 заряда, а СССР на 2-х ПЛАРБ имел 32 заряда. Примерное соотношение в пользу США: 50 к 1.

В 1970 г. США на том же количестве ПЛАРБ (41 единица), имели 2048 зарядов, а СССР на 20-ти ПЛАРБ – 316. Примерное соотношение: 7 к 1.

В 1984 г. США на 39-ти ПЛАРБ имели около 6000 ядерных зарядов, а СССР на 62-х ПЛАРБ – около 2500. Соотношение: 2,4 к 1.

Как видим, за 17 лет – с 1967 по 1984 г. – Советский Союз сократил относительный дисбаланс по морской компоненте СЯС примерно в 20 раз при увеличении количества советских зарядов, ориентированных на цели в США, примерно в 80 раз. Фактически настолько же возросла и угроза поражения для территории США.

Из этого Станиславом Николаевичем делается вывод, с которым нельзя не согласиться:

«В ядерный век стремление к подавляющей ядерной мощи не снижает, а усиливает угрозу национальной безопасности ядерных держав со стороны ядерных же держав».

Так ведь и получалось – Америка, увеличив число нацеленных на СССР боевых блоков БРПЛ США в разы, вынудила СССР в десятки раз увеличить число боевых блоков советских БРПЛ, чтобы ликвидировать созданный Соединенными Штатами катастрофический разрыв. И возникшие в конце 1940-х – начале 1950-х гг. за счет усилий СССР предпосылки к формированию режима глобальной стабильности привели через сорок лет к полномасштабному режиму стабильности.

В середине 1980-х гг. советская пропаганда осторожно заявляла о том, что войну уже можно не считать неизбежной, что есть все возможности не допустить до ядерной войны. Однако осторожность здесь была излишней и только мешала осознанию подлинного положения дел. А оно было таково, что ядерное сдерживание в момент наивысшей ядерной мощи СССР приобрело, фактически, абсолютно стабильный характер. Тогда практически исключались реальная угроза развязывания войны против СССР и вообще любой крупномасштабный мировой конфликт. Большая война для США и СССР и с участием США и СССР уже была невозможна.

То есть, по мере усиления ядерных позиций СССР, угроза реального ядерного конфликта постоянно снижалась, и к концу 1980-х гг. можно было говорить об исчезающе малой вероятности возникновения глобального ядерного или неядерного конфликта. Усилиями советского народа, обеспечившего оружейникам – разработчикам носителей, ядерных боеприпасов и ядерных зарядов возможность полноценной и эффективной деятельности, режим ядерного сдерживания США поднялся на новый уровень, превратившись в режим ядерной стабильности. Главным его признаком и сутью стало, как уже сказано, практическое исключение угрозы для России любой внешней агрессии. По большому счету можно было сказать и больше: советская ракетно-ядерная мощь, и только она, работала на общую глобальную стабильность, работала на мир для народов всего мира. В оружейном Кремле это понимали, пожалуй, лучше, чем где бы то ни было в другом месте.

Хотя, пожалуй, это все лучше стали понимать и во внешнем мире...

Франция генерала де Голля, бывшего президентом до 1969 г., и ранняя постголлистская

Франция дистанцировалась от США и ядерной политики НАТО. Ядерные силы Франции имели, прежде всего, статусный смысл, обеспечивая ей положение великой державы. И французы понимали, что угроза миру исходит отнюдь не из Москвы. Вполне дружелюбный обмен шампанским на просторах Тихого океана доказывал это самым зримым образом.

С конца 1980-х гг. прошла треть века. Но и сегодня стабильности – политической, военно-политической, социальной, житейской – желают все, за исключением тех немногих, кто дестабилизирует мир и его бытие. Но что на обозримом этапе развивающейся истории человечества обеспечивает глобальную стабильность как целостное явление, что образует сущность стабильности? И что надо «отнять» от стратегической стабильности, чтобы она уничтожилась?

Честный ответ здесь один: основу мировой ядерной стабильности составляет эффективный ядерный статус современной России. Изымите ядерное оружие России из политического бытия мира, и мир, скорее всего, рухнет. И так ли уж существенно – каким образом это может произойти? Академику Якову Борисовичу Зельдовичу, получившему за работу в советском Атомном проекте три Звезды Героя Социалистического Труда и три Сталинские премии, принадлежит почти шуточная мысль: «А без какого сиропа нет газированной воды, уже никому неинтересно». И эта мысль неплохо описывает суть ситуации.

Как ни странно, по сей день с вышесказанным о роли ядерного оружия России согласятся далеко не все даже в России. На смену гнилой идее «безъядерного мира к 2000 г.» пришла идея «ядерного Ноля». Но подобный «пацифизм» чреват глобальной катастрофой. В «безъядерном» мире вновь разразятся разрушительные войны между крупнейшими субъектами мировой политики.

Пацифизм, как политическое явление, не предотвратил ни одной войны, зато затуманиванию общественного сознания поспособствовал неоднократно. С толку были сбиты порой даже вполне неглупые люди. Так, в 1983 г. в Мюнхене была издана книга «Frieden schaffen!» («Утвердить мир!») несколько необычного автора – бывшего генерала бундесвера Герта Бастиана. Генерал стал пацифистом и выступал за разоружение. Он увлеченно цитировал «мать современного пацифизма» австрийскую писательницу, лауреата Нобелевской премии мира 1905 г. Берту фон Зутнер (1843–1914), автора романа

«Die Waffen nieder!» («Долой оружие!»), и к ядерному оружейному фактору относился даже не скептически, а однозначно отрицательно.

Для бывшего натовского генерала Бастиан мыслил нестандартно, но сказать, что мыслил он глубоко, все же нельзя. Даром, что его книга имела подзаголовок «Размышления о политике безопасности». Четвертый раздел книги назывался «Ядерное устрашение – путь в пропасть». Как раз к нему автор взял эпиграфом мысль фон Зутнер: «Вооружения необходимо рассматривать... на фоне той моральной атмосферы, которую они порождают. Это атмосфера, в которой не могут прогрессировать сплочение народов и внедрение международного права, не говоря уже о пробуждении братских чувств. Нельзя смеяться, скрежеща зубами, а со сжатыми кулаками невозможно дружески пожимать руки».

Зутнер положила свою мысль на бумагу в 1894 г., а процитировал ее Бастиан почти через девяносто лет – в 1983 г... И между написанием и цитированием пролегал не просто век. В течение этого века мир вначале был ввергнут в две мировые войны, не считая ряда значительных локальных войн и военных конфликтов. А затем история мира разделилась в XX веке на две принципиально различающиеся эпохи: доядерную и ядерную. И если уж взаимно связывать вооружения и моральную атмосферу, то нельзя отрицать, что во второй половине сороковых годов XX века на Земле появились такие «вооружения», которые не могли не повлиять и решительным образом повлияли на мировую моральную атмосферу.

Но каковым было это влияние? Вначале появление ядерного оружия на фоне атомной монополии США резко ухудшило мировую ситуацию и резко повысило вероятность новой мировой войны в формате односторонней ядерной агрессии США против СССР. То есть моральная атмосфера после появления в мире ядерного оружия США резко ухудшилась. Вскоре Советский Союз ликвидировал атомную монополию Америки и получил в свое распоряжение национальное ядерное оружие. Как повлиял на моральную и политическую атмосферу этот факт? После появления ЯО у Советского Союза моральная атмосфера на Западе была проникнута новым страхом. Однако военно-политическая атмосфера оказалась в практическом отношении (немаловажное, согласимся, отношение) весьма близкой к идеалу Берты фон Зутнер, поскольку вероятность мировой войны резко уменьшилась.

Оружие из жизни мира не ушло, напротив – в мир пришло новое, беспрецедентно разрушительное оружие, но война с его применением не возникала, ее стали страшиться. И, прежде всего, – в ядерных США, откуда впервые пришло в мир ядерное оружие. Что это значило для настоящего и будущего? Честный ответ: реально стабильный мир.

Ядерный фактор, только-только возникнув как фактор двусторонний, сразу же все перевернул – ядерное оружие и война оказались не только не тождественными, не синонимичными понятиями, но, по мере укрепления ядерного статуса СССР, складывалась ситуация, ранее невозможная: наличие ядерного оружия у России блокировало агрессивность. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. стало окончательно ясно, что самое мощное в мире оружие и война – понятия все более и более антагонистические. И приходится лишь удивляться тому, что такая незаурядная личность, как генерал Бастиан, была не в состоянии адекватно осмыслить новое положение в военной сфере даже в 1980-е гг.!

В анализе режима ядерного сдерживания Бастиан напутал порядком, утверждая, например, что: «Верно ведь только то, что с 1945 г., когда появилось ядерное оружие, ...удавалось избежать новой войны. Но никто не знает, существует ли между этими двумя фактами только временная или же и причинная взаимосвязь. Можно верить в одно и отрицать другое или наоборот, но что-то большее, чем просто спекуляции, здесь едва ли возможно». Заявлять такое можно было в конце, допустим, 1940-х гг. Но после Кореи, после Суэцкого кризиса 1956 г. и Вьетнама, а особенно – после Карибского кризиса, причинная взаимосвязь между наличием в мире ядерного оружия и все более исчезающе малой вероятностью мировой войны должна была быть налицо для любого объективного аналитика. После вереницы острых мировых ситуаций, впервые преодоленных человечеством без взрывов и смертей в мировом масштабе, логически корректным могло быть только одно заключение: «После этого (то есть после появления ЯО), значит – вследствие этого»...

Более трети века назад известный дипломат Владимир Федорович Петровский в книге «Безопасность в ядерно-космическую эпоху» писал: «Стратегическое равновесие... создает объективную основу для решения проблем безопасности политическим путем, отвечающим интересам всех и каждого, без ущерба для кого-либо. Всеобщая безопасность может стать устойчивой

и прочной, если она будет надежно обеспечиваться с помощью практических мер – гарантий».

Сам этот тезис – бесспорен. Вопрос в том – какие практические гарантии предлагается положить в основу устойчивой системы безопасности? Наиболее весомы материальные гарантии. Недаром в США говорят, что при помощи колта и доброго слова вы всегда добьетесь большего, чем одним добрым словом. Именно материальные гарантии безопасности, то есть применительно к России, – ее вполне конкретный существующий и перспективный ядерный арсенал – позволяли все «ядерные» десятилетия и позволяют по сей день эффективно поддерживать «определенное положение международно-правового характера» – реально стабильный мир.

Герцен хорошо подметил, что человек не может быть более свободен внешне, чем он свободен внутренне. «Как это ни странно, – пояснял он, – народы с меньшим для себя ущербом сносят иго принуждения, чем излишнюю свободу, к которой они не готовы». А разве готов мир к свободе от ядерного сдерживания? Разве готовы мы к такому свободному миру, в котором никому не позволены действия, ущемляющие первейшие, неотъемлемые, природные права каждой личности?

Обеспечение паритета между СССР и США было тождественно стабильности и укреплению национальной безопасности не только двух держав, но и вообще мировой стабильности и безопасности. Пусть не всегда последовательно, но эта сторона ядерной проблемы осознавалась в последней четверти XX века все большим числом политиков мира.

В «кремлевском» ВНИИЭФ, впрочем, это понимали и без рассуждений финского президента, зная, что «мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Теперь, правда, эта формула из прошлой героической эпохи смотрелась несколько по-иному – в запасе у России было ее ядерное оружие.

Менялась и эпоха.... И об этом тоже надо сказать.